

УДК 930.2

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

*Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук,
И.Л. Измайлов, кандидат исторических наук*

Письменные источники по истории Казанского ханства в силу известных обстоятельств весьма ограничены, а их сведения весьма отрывочны. Про них можно сказать, что они лапидарны, но разнообразны. Эта разноплановость открывает значительные источниковедческие возможности для перекрестного анализа и сопоставления.

Ценным татарским источником периода Казанского ханства является копия тарханного ярлыка хана Ибрагима, правившего в Казани с 1467 по 1479 г. Данный раритет был найден в фондах ЦГАДА в 1963 г. Р.Н.Степановым¹. В Москву документ попал в 1685 г., когда потомок держателей ярлыка Кутлумухаммад Кутлугушев направил копию хранящегося у него ярлыка на имя русского царя с прошением о продлении данных его роду еще «мусульманскими правителями» привилегий (ярлык роду Кутлугушева был первоначально выдан в 1398 г. султаном Хайдаром-Али, а позднее продлен ханом Ибрагимом). Для царской канцелярии на русский язык копия ярлыка была переведена толмачом Артыком Иманаевым. Первая научная публикация копии ярлыка Ибрагима была осуществлена М.А.Усмановым, Ш.Ф.Мухамедьяровым и Р.Н.Степановым в 1965 г. на страницах журнала «Казан утлары»². В журнале были даны фотокопия документа, его транскрипция, перевод на современный татарский язык. Отметим оригинальность данного источника, насыщенность его многими терминами, помогающими раскрыть соци-

альную структуру Казанского государства и социально-политическую историю предшествующего периода.

Важным и оригинальным татарским источником периода Казанского ханства является тарханский ярлык хана Сахиб-Гирея, занимавшего казанский престол в 1521–1524 гг. Ярлык также относится к разряду подтверждающих тарханских. Он был обнаружен татарским археографом и этнографом Саидом Вахиди в 1912 г. в деревне Мамалай Мамадышского уезда Казанской губернии. Впервые при написании научной работы текст ярлыка используется Хади Атласи в 1914 г. в монографии «Казан ханлыгы» («Казанское ханство»). Публикация текста на русском и татарском языках с подробным комментарием впервые была осуществлена С.Г.Вахиди на страницах казанских научных изданий в 1925 г. К настоящему времени наиболее грамотный археографический анализ ярлыка дан в работах Ш.Ф.Мухамедьярова³.

Важными источниками по истории Казанского ханства являются переводы писем хана Сафа-Гирея, правившего в Казани в 1524–1531, 1533–1546 и 1546–1549 гг., польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I. Местом их составления была канцелярия Великого княжества Литовского. Публикация текста писем, с переводом его на современный русский язык и примечаниями, была осуществлена Д.А.Мустафиной в 1997 г.⁴. Содержание писем представляет изложение казанским ханом политических со-

бытий 30–40-х гг. XVI в. и показывает нам международное положение Казанского ханства, его внутреннее состояние и т.д.

Ценным источником периода Казанского ханства является «Зафернаме-и вилайет-и Казан» («Победа Казанской страны»)⁵. Он написан астраханским татаринном, известным казанским сидом Кул Шарифом в 1550 г. В раритете речь идет о поражении русского войска под стенами Казани в феврале 1550 г. Кроме объяснения истинных причин победы казанцев (в русских летописях неудачный поход Ивана IV Грозного объяснялся плохими погодными условиями), в рукописи, написанной очевидцем событий тех лет, приводятся имена исторических личностей, названия местностей и иные важные сообщения⁶.

Интересными источниками по истории Казанского ханства являются также произведения татарских поэтов и философов, в частности стихи Умми Камала (ум. в 1475 г.)⁷, нравоучительно-философский трактат неизвестного автора «Советы добродетелей» («Насихат ас-салихин»)⁸, поэмы Мухаммадьяра «Дар мужей» («Тохвэимэрдан») и «Свет сердец» («Нуры содур»), написанные приблизительно в начале 1540-х гг.⁹, и др. Эти памятники свидетельствуют о наличии у казанских татар периода ханства зрелой литературы со своими устоявшимися за предшествующие века традициями (на наш взгляд, можно даже говорить о формировании некоей новой литературно-историографической традиции).

Наиболее полное отражение истории Казанского «царства» получила в русских летописных сводах. Наибольший интерес для ранней истории Казанского ханства представляют великокняжеские своды и летописи первой половины XV в. В этот период, в условиях междоусобной борьбы между наследниками Дмитрия Донского, центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь, где в 30-х гг. XV в.

(или по датировке Я.С. Лурье – в 1412 г.) появилась новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце¹⁰, Никоновской летописи¹¹ и, опосредованно, – в Симеоновской летописи¹². Расхождения между текстами этих сводов особенно заметны после статьи 1390 г.

Параллельно с общерусским летописанием, представленным этими летописями, существовало местное, отразившееся, главным образом, в Новгородской I старшего и младшего извода (НПЛ). Старший извод, известный в одном списке, был доведен до середины XIV в. В младшем, представленном целым рядом списков XV–XVIII вв., отразилось летописание Новгорода второй половины XIV–начала XV в. Псковское летописание включало ряд списков, объединяемых в Псковскую I (первоначально доходила до 1469 г.), Псковскую II (доведена до 1486 г.) и Псковскую III (выходит за рамки XV в.) летописи (ПЛ). По мнению А.Н.Насонова и Я.С.Лурье, в основе их лежал общий протограф.

Следующим за Троицкой летописью памятником общерусского летописания был т.н. Новгородско-Софийский свод, отразившийся в Новгородской IV, близкой к ней Новгородской Карамзинской и Софийской I летописях¹³. Текст Новгородской IV и Софийской I летописей совпадает до 1418 г.; в Новгородской Карамзинской сходна с Софийской I также статья 1425 г. Предположение А.А.Шахматова, что Новгородско-Софийскому своду предшествовал более ранний источник – митрополичий свод (т.н. «Полихрон Фотия» 1448 г.) 1418–1421 гг., не подтвердилось дальнейшими исследованиями: летописи, в которых этот автор видел независимое от Новгородско-Софийского свода отражение Полихрона Фотия, опирались, как выяснилось, не на этот гипотетический памятник, а на летописание конца XV – начала XVI в.¹⁴. Дата свода – 1448 г. была предложена А.А.Шахматовым не на основании

анализа общих сведений летописей, а на интерпретации одного сообщения, причем явно ошибочного, и хотя позднее он сам отказался от этой датировки, в некоторых исторических работах эта ошибка повторяется. Определение даты Новгородско-Софийского свода опирается на факт того, что этот свод, как общий источник Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, предшествовал первой редакции Новгородской IV, составленной в 1437 г., и поэтому его создание, очевидно, можно отнести к 30-м гг. XV в.¹⁵. Текст Софийской I летописи старшей редакции доходит лишь до 1418 г.¹⁶. В этом своде, отразившемся также в Московской Академической летописи¹⁷ и сокращенном своде второй половины XV в.¹⁸, содержится ряд уникальных известий о конце XIII в.

Новый свод представлял собой коренную переработку (с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов) свода 1408 г. Он также имел общерусский характер и своим происхождением был обязан митрополичьему окружению. Создан он был, по мнению А.А.Шахматова, в 1448 г. в Москве в связи с избранием нового митрополита Ионы. Идеологическим лейтмотивом этого свода недвусмысленно являлась идея необходимости объединения Руси, включая Ростов, Суздаль, Тверь, Новгород Великий и Псков, для отпора «поганым» татарам под верховенством Москвы. В этом своде впервые явно проявилась тенденция описания событий прошлого и настоящего с общерусских позиций, но при этом всячески подчеркивалась выдающаяся роль Москвы как исторического центра.

Софийская I летопись, в свою очередь, послужила основным источником московского великокняжеского летописания¹⁹, отразившегося в разных редакциях в Никаноровской²⁰ и Вологодско-Пермской (свод 1472 г.)²¹ летописях, «Летописце от

72-х язык» (свод 1497 и фрагмент свода 1477 г.)²², Московском своде (своды 1479 г., начала и конца 90-х гг. XV в.)²³, летописях XVI в. (Воскресенская и Никоновская). Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи (ВПл) совпадают до 1471 г., продолжая с сокращениями и редакторскими правками текст Софийской летописи, после этой даты в ВПл читаются в основном известия о Вологде и северорусских землях. Другие летописи, также восходящие к Софийской I, включая московские своды конца XV в. и Воскресенскую летопись, являются следующим шагом в развитии общерусского летописания и отличаются крайней промосковской позицией, резко осуждающей новгородские вольности и тенденциозно представляющей историю взаимоотношений с Казанским ханством. Интересно, что в этих летописях, наряду с обычным летописным и канцелярским (например, посольские дела – наказы, грамоты, дорожные дневники и т.д.) материалом, привлечены разнообразные другие источники, в т.ч. рассказы очевидцев и участников событий, слухи и т.д.

Наряду с великокняжеским летописанием, в XV в. существовало независимое от него общерусское летописание, представленное Ермолинской²⁴ и сходными с нею летописями (они отражали северный свод начала 70-х гг. XV в., составленный, вероятнее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре), Типографской (ростовский владычный свод 80-х гг. XV в.)²⁵ и др. Очевидно, он также являлся основой для свода, ставшего протографом для Софийской II²⁶ и Львовской²⁷ (свод 1518 г., в основе которых лежит оппозиционный московским властям церковный свод митрополита Геронтия 80-х гг. XV в., как считал Я.С.Лурье, или неизвестного клирика Московского Успенского собора, как считали Б.М.Клосс и В.Д.Назаров²⁸) летописей. Сам текст Львовской летописи доведен до 1560 г. и во второй части (1518–1560 гг.) отражает свод

1560 г., очевидно, близкий к Летописцу начала царства²⁹. Эти летописные своды вызывают особый интерес, поскольку они сохранили независимые от официального историописания свидетельства об обстоятельствах тех или иных событий, о политической борьбе и взаимоотношениях Москвы с Казанью и другими татарскими ханствами. Например, в ряде мест, где в официальной летописи речь идет о победах над татарами, в независимой летописи прямо сказано о трусости воевод и их бегстве, и т.д. По мере усиления самодержавия, разгрома оппозиции великокняжеской власти и уничтожения политических вольностей Новгорода к концу XV в. независимое летописание исчезает или приобретает локальный характер³⁰.

Новгородское летописание конца XIII – первой половины XV в. представлено Новгородской летописью старшего и младшего изводов³¹. Для нашей темы интерес представляет младший извод, доходящий до 40-х гг. XIV в. Новгородский свод начала XV в., отразившийся в Новгородской I летописи младшего извода, был использован также при составлении протографа Новгородской IV и Софийской I летописей.

Среди летописей XVI в. можно выделить митрополичью Иоасафовскую летопись³², составленную при кафедре митрополита в конце 1520-х гг. В ней изложены события 1437–1520 гг. Свое название она получила по имени митрополита Иоасафа (ум. в 1555 или 1556 г.), известного книжника и писателя, которому эта летопись в свое время принадлежала.

Официальное русское летописание XVI в. представлено двумя огромными летописями – Никоновской и Воскресенской. Обе представляют вполне оформившуюся единую русскую официальную летописную традицию. Они близки своими источниками, в числе которых великокняжеские летописи XV в. Однако Воскресенская летопись³³, доведенная в известных спи-

сках до 1541 г., представляет собой идеологию «боярского правления» в период юности Ивана IV³⁴. Особый интерес представляет Никоновская летопись³⁵, которая была составлена в конце 20-х гг. XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522–1539 гг.). Летопись названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков. Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. В результате кропотливой работы над сохранившимися списками летописи Б.М.Клосс выявил ее оригинал – список Оболенского. Благодаря этому были уточнены датировка и место составления свода, установлены скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г. Основными источниками Никоновского свода, по мнению Б.М.Клосса, были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (т.н. Новгородская хронографическая) и близкая по времени к Никоновской Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский хронограф³⁶. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, причем часть из них уникальна.

Использование большого числа источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода, которая, скорее всего, явилась результатом редакторской и авторской работы ее составителя в первой половине XVI в. В первую очередь, это касается «избыточных» сведений. В этой связи доказано, что целый ряд подобных сведений, касающихся Волжской Булгарии и ее населения, инкорпорированных в текст ПВЛ (например, сведения о походах на г. Булгар Владимира в 994 и 997 гг., известие 990 г. о приходе в Киев болгарских «князей»),

чтобы там креститься) и в более поздние летописные рассказы (вставки-распространения текста известий о походах 1164, 1173, 1183, 1220 гг., а также наименование населения Волжской Булгарии, как «Болгаре ныне глаголемы Казанцы»), являются дополнениями ее сводчика и редактора. Тем не менее Никоновская летопись – один из важнейших источников по истории русского средневековья, поскольку дает богатый материал для изучения формирующейся имперской идеологии рождающегося русского царства. Во второй половине 1550-х гг. оригинальный текст летописи был дополнен известиями из Воскресенской летописи и Летописца начала царства (изложены события 1533–1552 гг.) – в результате получился текст самой объемной русской летописи.

В начале XVI в. начинается новая страница в истории русского летописания. В нем появляются такие явления, как Русский хронограф³⁷, который был воплощением в историческом произведении идеи о главенстве России в мире. Русский хронограф известен в нескольких редакциях, старейшая из них – редакция 1512 г. (позднее вплоть до начала XVII в. было создано еще несколько подобных хронографов).

Другим новым явлением XVI в. стало активное использование историописания в создании государственной идеологии. Например, Никоновская летопись послужила материалом для Степенной книги (Книга Степенная царского родословия)³⁸, где прямо и последовательно проводится мысль о богоизбранности России, а вся ее история является постепенным приближением ее к Богу. В отличие от других летописей, Степенная книга, излагающая события русской истории от призвания варягов по 1563 г., была разбита на 17 глав-степеней (отсюда и ее название), соответствующих семнадцати поколениям русских великих князей: от Владимира Святославича до Ивана Грозного. В символическом же пони-

мании «степени» — это ступени, ведущие к Богу, поэтому в центре каждой степени находится биография великого князя, рядом с которой помещены жизнеописания митрополитов и святых, живших в это время. Степенная книга была создана в 1560—1563 гг. под руководством митрополита всея Руси Макария и его преемника Афанасия – людей ближнего круга Ивана IV. Определенно можно сказать, что ее автор если не выполнял прямой заказ царя, то следовал в русле новой имперской царистской идеологии, создавая историю для царя и его потомков. Недаром в XVII в. русским правительством дважды предпринимались попытки создать на ее основе официальную историю России, дополнив ее материалами о последующих царствованиях. Для этого в 1657 г. создавался Записной приказ, а в 1682 г. – Палата строения Степенной книги.

Среди важнейших исторических источников следует назвать Летописец начала царства (полное название – «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси») ³⁹, составленный при непосредственном участии А.Ф.Адашева. Текст летописи охватывает сравнительно небольшой период времени – с 1533 по 1556 г. и освещает преимущественно две темы – укрепление самодержавия Ивана IV и «присоединение» Казани. Основные идеи Летописца близки официальным идеологическим установкам начального периода правления Ивана IV и в некоторых статьях прямо содержат проекты реформ 1550-х гг. Существенно отредактированные тексты Летописца были использованы при составлении последних двух томов Летописного свода.

Лицевой летописный свод создавался как царский летописный свод и был посвящен всемирной и русской истории от сотворения мира по 1567 г. ЛЛС был составлен в период правления Ивана Грозного (в течение 1568–1576 гг.). До нашего времени дошло, по подсчетам А.А.Амосова, 9745

листов, украшенных 17744 цветными иллюстрациями-миниатюрами⁴⁰. ЛЛС был недаром назван А.Е.Пресняковым «исторической энциклопедией XVI в.». Свод охватывал период «от сотворения мира» до 70-х гг. XVI в. Текст готовился книжниками из окружения митрополита Макария, миниатюры исполнялись мастерами митрополичьей и «государевой» мастерских. В составлении ЛЛС участвовал А.Ф.Адашев, а самое непосредственное участие в редактировании принимал Иван IV. Около 1575 г. уже подготовленный текст ЛЛС по указанию Ивана Грозного был подвергнут существенной переработке в той своей части, которая содержала описание его царствования, т.е. с 1533 по 1568 г. В приписках, сделанных неизвестным редактором на полях рукописи, содержались, в частности, обвинения против лиц, казненных или репрессированных во время опричнины. Работа над ЛЛС завершена не была — миниатюры последней части выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены.

Составители Лицевого летописного свода провели грандиозную работу при отборе источников своего сочинения, куда вошли крупные фрагменты Библии (Геннадиевская редакция), Александрии, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Летописца Еллинского и Римского» и многие др. Русская история в томах IV–X излагается преимущественно по Никоновской летописи, но уже начиная с событий 1152 г. в ЛЛС встречается дополнительный, сравнительно с этой летописью, материал. Как установил Б.М.Клосс, источниками его могли быть Воскресенская летопись, Новгородский свод 1539 г., «Летописец начала царства» и др.⁴¹ В ЛЛС, подобно Русскому хронографу, рассказ о всеобщей истории завершают русские события — тем самым утверждается мысль об истории России как преемнице всемирной истории. Наиболее последовательно эта мысль преподносится в последней части ЛЛС, которая называет-

ся «Царственной книгой» и где излагаются события 1533–1568 гг.

Особо необходимо выделить историческую повесть XVI в. под названием «Казанская история» («История о Казанском царстве», «Казанский летописец») с ярко выраженной публицистической направленностью. Судя по современным исследованиям, она была написана около 1565 г. анонимным автором, вероятно, ранее бывшим русским пленником, жившим в Казани при дворе ханов (занимал какую-то должность в ханской канцелярии) и ставшим непосредственным очевидцем последних 20 лет самостоятельного существования Казанского ханства. Не исключено, однако, что авторство некоего «очевидца» — просто литературный прием, который должен был придать историко-публицистической повести видимость достоверности и объективности. Впервые она была издана в 1731 г. и с тех пор неоднократно переиздавалась по различным рукописям и редакциям⁴². «Казанская история» подробно изучалась как историко-литературное произведение Г.З.Кунцевичем, Г.Н.Моисеевой, А.Н.Насоновым, Т.Ф.Волковой, Л.А.Дубровиной, Э.Кинаном, Я.Пеленски и другими исследователями⁴³. Благодаря этим трудам установлено, что источниками сведений для ее автора, кроме авторских рассказов (степень их достоверности сомнительна), были легенды и рассказы очевидцев, русские летописи и официальные документы, литературные труды (в т.ч. Ивана Грозного). Основу повествования составляет история Казани и Казанского ханства со времени их возникновения и до завоевания Русским государством (1552 г.).

«Казанская история» — одно из первых произведений в древнерусской литературе, пронизанное единой и цельной историко-публицистической идеей, суть которой в возвышении царя и поддерживающего его дворянства, разоблачение заговоров и измен боярства. Ради своей концепции ее автор

тенденциозно описывает реальные события, создает вымышленные эпизоды, вводит новые факты, а саму историю Казани переосмысливает и делает формой выражения своей монархической идеи. По его мысли, гибель Казанского ханства – следствие слабости ханской власти и самовластия вельмож, поэтому он отрицательно характеризует татарскую историю. Одновременно «Казанская история» пронизана идеями православного мессианизма и имперской концепцией, оправдывающими завоевание Казани и вообще нехристианских народов (например, «право» вотчинного владения землями Поволжья, «древность» проживания русских в Поволжье, ответственность казанцев за татарские завоевания и набеги и т.д.).

Списки «Казанской истории» дошли до нас по крайней мере в трех редакциях и несколькими вариантами. 1-я редакция (1584–1590-е гг.) внесла некоторые изменения в первоначальный текст в связи со сменой внешнеполитической ситуации в России (возникновение Казани отнесено к 1172/1177 гг., вставлены сведения о завоевании русскими князьями Поволжья и т.д.) (см. труд Г.Н.Моисеевой⁴⁴). 2-я редакция (около 1610 г.) – сокращенная и довольно дефектная (в ней отсутствует целый ряд сюжетов и само «Казанское взятие», восстановленные позднее при издании) (см. труды Г.З.Кунцевича⁴⁵ и Л.А.Дубровиной). 3-я редакция (начало XVII в.) представляет собой соединение обеих предыдущих редакций (попытка как бы восстановить авторский текст) (см. издание Н.В.Водовозовой⁴⁶). Все изменения и переработки текста были связаны с меняющейся политической и международной обстановкой в конце XVI – начале XVII в. (пересмотр идеологии Ивана Грозного и ее возрождение). Это делает «Казанскую историю» важнейшим, хотя и специфическим, источником для изучения не только истории Казанского ханства, но и общественно-политических дис-

куссий начального этапа формирования православной имперской и самодержавной идеологии в России. «Казанская история» является одним из ярчайших историко-литературных памятников конца XVI – XVII в. и поэтому следует подчеркнуть, что это – источник довольно оригинальный, содержащий множество сведений по истории Казанского ханства, но требующий очень внимательного и критичного отношения к себе.

Из русских источников XVI в. литературно-политического характера для изучения истории Казанского ханства особую важность имеет и «История о великом князе Московском» князя А.М.Курбского⁴⁷, принимавшего активное участие в завоевании Казани в 1552 г. Здесь по крупницам мы находим сведения и о политической истории Казанского ханства, и о социально-экономическом его развитии. Довольно интересны описания этнического состава населения Казанского государства, причем князь четко разделяет государствообразующее население страны («казанских татар») и подвластное казанским ханам иное местное население, в частности чувашей, черемис и других народов ханства.

Ценнейшим источником по истории Казанского ханства являются русские писцовые, переписные книги второй половины XVI–XVII в. Их материалы могут быть привлечены для ретроспективного освещения истории государства, его этнического и социального развития, административно-территориального деления. Эти документы составлялись в целях государственного налогообложения податного населения, фиксации права владения землей, крестьянами. В основе писцовых, переписных книг лежит описание в каждом владении крестьянских дворов и земельных угодий. Подобные книги составлялись в результате деятельности особых комиссий, которые правительство посылало из Москвы на места. В книгах довольно четко зафиксированы социальное положение

ние и этническая принадлежность людей, причем нередко приводятся факты, напрямую отражающие этносоциальную историю Казанского ханства. Публикация писцовых и переписных книг Среднего Поволжья, а также извлечений из них начинается с конца 70-х гг. XIX столетия⁴⁸. В советский период на эти книги как на исторический источник первым обратил внимание М.Г.Худяков. В «Материалах по истории Татарской АССР» (Л., 1932) публикуются писцовые книги города Казани 1565–1568 и 1646 гг. с вводной статьей М.Г.Худякова «Казань в XV–XVI столетиях», где автор активно оперирует данными первой из названных писцовых книг. В 50-х гг. XX в. Ш.Ф.Мухамедьяров снова привлек внимание исследователей к источниковедческой ценности этих книг. Работа по комплексному изучению писцовых и переписных книг Среднего Поволжья, публикации их текстов и введению в научный оборот значительно оживилась с середины 1970-х гг., в чем заслуга, в первую очередь, коллектива ученых Казанского государственного университета во главе с И.П.Ермолаевым⁴⁹. Отдельно хотелось бы отметить также активную изыскательскую и публикаторскую деятельность в этом направлении Д.А.Мустафиной⁵⁰.

Важным историческим источником по самым различным аспектам истории Казанского ханства, в первую очередь дипломатическим, военным и экономическим взаимоотношениям Москвы и Казани, являются русские посольские дела. К сожалению, дел, относящихся к дипломатическим отношениям Руси и Казанского ханства, т.е. посольских книг по связям с Казанским ханством, не сохранилось, хотя они, несомненно, существовали⁵¹. Однако сюжеты, связанные с военно-политическими взаимоотношениями Москвы и Казани, сохранились в других посольских книгах. Частично они были опубликованы еще в XIX в., в первую очередь, – посольские

дела по сношениям Руси с Ногайской Ордой, Крымским ханством и Турцией⁵². Публикации эти, однако, не избежали досадных «мелких» и существенных ошибок. В последние годы весьма активно посольские дела изучаются научной группой Института Российской истории РАН во главе с Н.М.Рогожиным, что позволило дать комплексную характеристику этому интереснейшему историческому источнику⁵³ и заново издать исправленные варианты ряда посольских книг⁵⁴. Интересны изыскания в этой области В.В.Трепавлова, впервые обнаружившего и опубликовавшего одну часть посольской книги по связям с Ногайской Ордой⁵⁵, что позволяет надеяться на новые находки в этой области.

Особое место среди источников по истории Казанского ханства занимают «записки» западноевропейцев. Одно из наиболее полных и достоверных описаний Московского государства XVI в. и соседних с ним стран и народов мы находим в «Записках о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна⁵⁶. «Записки...» написаны опытным австрийским дипломатом, в 1517 и 1526 гг. являвшегося посредником на переговорах советников великого князя всея Руси Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. По предписанной ему инструкции С.Герберштейн собирал всевозможные сведения по самым разным вопросам – от обычаев и быта до политики и экономики. В Москве он жил подолгу, пользовался расположением Василия III, был знаком с представителями самых разных социальных кругов, в т.ч. и с иностранными дипломатами и купцами, а также с иностранцами, находившимися на русской службе. Чрезвычайно ценны данные С.Герберштейна о мордве и чувашах, поскольку их собственных памятников письменности практически не сохранилось. Он сообщает множество сведений об этих народах – приводит этнические названия, характеризует их язык, описывает основные

занятия, особенности быта, религию и т.д. Существенно дополняют сведения других источников яркие зарисовки этнополитической и социально-экономической истории казанских и ногайских татар.

Из описаний западноевропейцев XV–XVI вв., в которых отчасти отражена история русских и татар этого и предшествующего периодов (в большей степени – история Московской Руси), можно также отметить интересные «записки» баварского наемника Иоганна Шильтбергера (служил, в частности, у хана Улуг-Мухаммеда)⁵⁷, венецианского купца Иосафата Барбаро, в 1436–1452 гг. проживавшего в г. Тане (при устье Дона), Амброзио Контарини – посла Венецианской республики к персидскому шаху, в 1476 г. посетившего Москву⁵⁸, профессора Краковского университета поляка Матвея Меховского (1457–1523)⁵⁹, итальянского купца Марко Фоскарини, посетившего Россию в 1557 г.⁶⁰, английского купца Антония Дженкинсона, в 1558–1564 гг. побывавшего в России (жил в Казани с 29 мая по 13 июня 1558 г.), Средней Азии и Персии⁶¹, немца Генриха Штадена, в 1564–1576 гг. жившего в России и служившего в опричном войске Ивана Грозного⁶², итальянца Александра Гваньини, жившего в Польше⁶³, английских купцов Христофора Бэрроу, Уильяма Тэринбулла и др., живших в Казани с 22 по 26 сентября 1579 г. и с 26 мая по 4 июня 1581 г.⁶⁴, Джерома Горсея – английского коммерсанта, с 1573 по 1591 г. находившегося в России⁶⁵, Антония Поссевино – папского посла, побывавшего в России в 1581–1582 гг.⁶⁶, Джайлса Флетчера – английского посла в Москве в 1588–1589 гг.⁶⁷ и некоторых др.⁶⁸.

Ценными источниками по истории Казанского ханства являются *эпиграфические памятники*, анализируемые в работах Каюма Насыри, Али Рахима, Г.В.Юсупова, Ф.С.Хакимянова, Д.Г.Мухаметшина⁶⁹ и др. В этих трудах дан анализ лингвистических ма-

териалов, позволивших сделать вывод о преемственности современного татарского литературного языка от языка Казанского ханства, а их ареал представляет довольно четкую картину расселения тата-мусульман в период XV–XVI вв. Вместе с тем эти эпиграфические памятники представляют значительный интерес как исторический источник, сохранив материалы об именной и социальной структуре ханства, а также некоторых особенностях местного ислама.

Наряду с письменными источниками по истории Казанского ханства большой интерес представляет *фольклор* народов Среднего Поволжья, произведения которого с известной оговоркой можно прямо назвать «первыми историческими сочинениями» – своеобразной формой народной памяти о прошлом⁷⁰. Из фольклорных произведений татар XV–XVI вв. можно назвать такие дастаны и байты, как «Идегей», «Алпамыш», «Чура батыр», «Сказание об Амете», «Ханэкэ Солтан бэете» и др. – настоящий цикл народных исторических песен, легенд и преданий, повествующих об основании и развитии города Казани, о политической, культурной и экономической жизни Казанского ханства, но особенно ярко и драматично – о событиях 1552 г. и т.д.⁷¹. В них, вместе с художественными образами, даны и реалистичные картины истории Золотой Орды, иных (кроме Казанского) постзолотоордынских татарских ханств⁷². К примеру, в легендах «Основание Старой Казани»⁷³, «Почему город называется “Казань”»⁷⁴, «Основание города Новая Казань»⁷⁵ и других говорится о возникновении и укреплении Казани, становлении его как столичного города, центра экономики и культуры обширного многоэтнического и поликонфессионального региона. Дастан «Чура батыр»⁷⁶ содержит описание событий внутренней и внешней политики Казанского и Крымского ханств в период, предшествующий 1552 г. Этот дастан, содержащий много сведений о

конкретных участниках тех событий и важный для характеристики самосознания народа, неоднократно становился предметом анализа на предмет выявления соотношения исторических материалов в эпическом произведении⁷⁷. Сам эпический Чура батыр отождествляется исследователями с Чюрой Нарыковым, упоминаемым в русских летописях с марта 1526 г. По данным русских летописей (это, в первую очередь, Никоновская и Казанская), исторический Чура Нарыков – крупный государственный деятель, являвшийся одним из четырех карачи-беков ханства, жил в Казани и принимал активное участие в политической жизни Казанского ханства между 1526–1546 гг. Предание «Взятие Казани», довольно большое по своему объему, подробно освещает, по сути, всю историю Казанского ханства⁷⁸. В нем говорится о больших достижениях государства в период мирного сосуществования с соседями, о благополучии в стране, расцвете культуры. Далее в повествование вносятся трагические интонации – о предательской политике хана Шах-Али, о завоевании Казани Иваном Грозным, о тяжелой потере татарами Среднего Поволжья (казанцами) своей государственности. Вообще эта тема – взятия Казани и завоевания Казанского ханства красной нитью пронизывает все народное творчество татарского народа⁷⁹, а само это грандиозное событие нашло отражение также в русских народных песнях⁸⁰. Очень интересный материал о Казанском ханстве содержится также в произведениях народного творчества башкир, марийцев, мордвы, русских, удмуртов, чувашей и др.⁸¹.

В плане анализа фольклорных материалов и расширения источниковой базы особый интерес представляет работа М.Р. Садекова, в которой рассматриваются русские историко-публицистические произведения, в первую очередь «Казанская история» и ряд других подобных произведений, а также историко-краеведческие сочи-

нения XVII–XVIII вв.⁸². Автор доказывает, что во время создания такого монументального произведения, как «Казанская история», ее автор использовал широкий круг источников, в том числе произведения татарского устного народного творчества. В дальнейшем существование подобных легенд было зафиксировано различными авторами более позднего времени, которые использовали эти произведения для создания трудов по истории Казанского ханства. В целом, не подвергая сомнению саму возможность использования автором «Казанской истории» татарских легенд, следует подчеркнуть, что автор подобный тезис никак источниковедчески не документирует. Фактически интересный и весьма продуктивный сам по себе тезис, который давно кочует из одной исторической работы в другую, о возможности сохранения каких-то элементов татарского фольклора в русских историко-публицистических произведениях остается лишь догадкой. К сожалению, и в работе М.Р. Садекова этот тезис не доказывается текстологическими и источниковедческими выкладками, а подменяется простым извлечением из «Казанской истории» сведений легендарного характера, которые автор ничтоже сумняшеся считает «татарским фольклором» периода Казанского ханства. Между тем вопрос об источниках этих легендарных сведений не так прост и не может быть подменен простым их извлечением из контекста данного труда. Достаточно сказать, что «Казанская история» дошла до нас не менее чем в двух редакциях, причем в более поздней 2-й редакции начала XVII в. «фольклорные» мотивы были даже более усилены, а основание Казани удревнено до болгарского периода. Остается вопрос, насколько редактор начала XVII в. руководствовался в этих своих дополнениях и изменениях текста татарским фольклором (оставляем за скобками вопрос, откуда он мог его узнать), а насколько библейскими мотивами, идеологическими со-

ображениями и идеологемами нового русского царства⁸³. При этом автором совершенно обойден вопрос о книжном характере, по крайней мере, части «фольклорных татарских элементов» и его переключка, вплоть до текстологических совпадений с библейской и церковной литературой, а также русским народным творчеством. Например, описание пленения и увода хан-бике Сююмбике явно восходит к мотиву свадьбы и имеет прямое отношение к мифологеме «венчания на царство», символизируя грядущее падение Казани и т.д. В этой связи представляется, что прямое отождествление неких «фольклорных» элементов «Казанской истории» с татарским фольклором является излишне смелым и пока не доказанным.

Важными источниками по истории Казанского ханства являются татарские шеджере (генеалогии рода). Выявлением и записью их занимались многие российские ученые, в их числе Петр Рычков, Христиан Мартин Френ, Карл Фукс, Ибрагим Хальфин, Владимир Вельяминов-Зернов, Хусайн Амирхан, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахретдин, Али Рахим, Саид Вахиди. Важным вкладом в науку явились изучение, научное определение и классификация татарских шеджере, проделанные М.А.Усмановым⁸⁴. Позднее исследованию татарских шеджере уделили значительное внимание М.И.Ахметзянов, Р.А.Шайхиев, Д.М.Исхаков и другие ученые. В настоящее время признанным лидером изучения татарских шеджере является М.И.Ахметзянов, опубликовавший по названной проблеме две монографии на русском⁸⁵ и татарском⁸⁶ языках, в которых автор не только размещает тексты некоторых генеалогий, но и разрабатывает научные методы их анализа. Для исследования истории Казанского ханства наибольший интерес представляют шеджере, хронологические рамки которых имеют нижней границей XIII–XIV вв. – это, например, шедже-

ре Майкы, Кара бика, Мамата, Улуса, Хасан-Хусаина, Янбакты, Гирает бия, Кайкы бия. С сожалением приходится констатировать, что из-за известных событий середины XVI в. таких генеалогий очень мало. В источниковедческом плане многие из них являются ценными историческими документами, содержание которых подтверждается данными русских летописей, татарских эпиграфических надписей и других источников. Большое значение для реконструкции этносоциальной истории Казанского ханства имеют также т.н. «башкирские» шеджере, опубликованные и анализируемые, в частности, в работах Р.Г.Кузеева, хотя следует отметить, что этот автор допускал весьма значительную архаизацию сведений из этих родословий, относя истоки их создания к X–XI вв.

В целом можно сказать, что источники по истории Казанского ханства довольно разнообразны и представляют весьма солидную источниковедческую базу для исследования истории и культуры этого средневекового государства. Многие виды и категории источников имеют весьма длительную историю изучения и анализа как в отношении их общих гносеологических возможностей, так и в прикладном плане, применительно к истории татарского народа. Особая роль в этом отношении принадлежит нарративным источникам, которые, несмотря на всю сложность анализа, позволяют создать общую картину социально-политического развития Казанского ханства, особенно его военно-политические взаимоотношения с Русским государством. Значительно расширяют наши представления о хозяйственных занятиях, культуре и быте населения Казанского ханства археологические исследования, которые приобрели системный и масштабный характер в последние годы в связи с проведением значительных исследований в период подготовки к 1000-летию празднования основания Казани. Полученные материалы позво-

лили серьезно расширить наши представления о ремесленном производстве и торговых связях, в целом культуре городского населения Казани.

Вместе с тем приходится отмечать, что, несмотря на значительный объем источниковедческой информации по истории Казанского ханства, она носит в значительной мере отрывочный и разрозненный характер. Фактически отсутствуют современные работы по комплексному анализу и сопоставлению источников. За редким исключением нет трудов, обобщающих сведения различных источников и по анализу всех источников по данной теме. Так, например, давно назрел труд по

археологии Казанского ханства. Актуальность этой работы осознавалась три десятилетия назад, а в настоящее время ее отсутствие просто тормозит дальнейшее углубленное изучение всей проблематики по средневековой истории татар.

Подводя итог анализу источников по истории Казанского ханства, можно констатировать, что собранный большой материал требует новых подходов к его изучению и новых комплексных источниковедческих исследований. Очевидно, что без решения этой проблемы изучение истории и культуры Казанского ханства вывести на новый уровень познания будет невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАДА. – Ф.1173. – Оп.1. – Ед. хр.196. – Л.1.

² См. также: *Kurat A.N.* IV–XVIII yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. – Ankara, 1972. – P.354–356.

³ См., например: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. – М., 1967. – С.104–109; *Muhamedyarov S., Vasary I.* Two Kazan tatar dictes // Between the Danube and the Caucasus A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe. – Budapest, 1987. – 181–216 p. Будапештское издание содержит фотокопии ярлыков Ибрагима и Сахиб-Гирея, транскрипции, тексты этих ярлыков и комментарий на английском языке. Новую публикацию статьи Ш.Ф.Мухамедьярова и И.Вашари с русским переводом ярлыка хана Ибрагима см.: Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина; науч. ред. И.А.Гилязов. – Казань, 2006. – С.157–167.

⁴ *Мустафина Д.А.* Послание царя казанского // Гасырлар авазы / Эхо веков. – Казань, 1997. – №1/2. – С.26–38.

⁵ *Togan Z.V.* Kazan Hanligında Islam Turk Kulturu // İslam tetkiklerien istitusudergisi. – İstanbul, 1965. – С.ІІІ. – S.3/4. – 179–204 б.; *Хажитархани Шәриф.* Казан вилаятенен жиную // Идел. – Казан, 1995. – № 1. – 12–16 б.; *Шерефи Х.* Зафер-намэ-и Вилайет-и Казан. Пер. с турецкого яз. Ф.С. Хакимзянова // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.87–90; Зафернамэ-и вилайете Казан. Победа Казанской страны // Кол Шәриф һәм аның заманы. Кул Шариф и его время. – Казан, 2005. – 16–22 б.

⁶ По всей видимости, в этот период татарами были созданы и иные письменные исторические произведения по предыстории и истории Казанского ханства, в т.ч. официального характера, которые, к сожалению, не уцелели. Об этом очень аргументированно писал М.А.Усманов в своей монографии «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.» (Казань, 1972). Исследователь отметил основные причины «исчезновения» этих источников: завоевание Казани в 1552 г. и уничтожение русскими татарских медресе и библиотек, антимосковские восстания после падения ханства, стихийные бедствия и пожары, миссионерские погромы, сопровождавшиеся уничтожением памятников татарской старины, публичное сожжение татарских книг в 1920–1930-е гг. и т.д. (Указ.соч. – С.26–29).

⁷ См., например: *Абилов Ш.Ш.* Умми Камал // Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. – Казань, 1999. – С.130–132.

⁸ *Абилов Ш.Ш.* Татарская литература XV–XVI вв. (Эпоха Казанского ханства) // Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. ... – С.126.

⁹ См., например: Мөхәммәдъяр һәм аның чоры / Төзүче авторлар: М.Әхмәтжанов һ.б.–Казан, 1997. О татарской литературе периода Казанского ханства см. также публикации Х.Ю.Миннегулова, например: *Миннегулов Хатыйп.* Казан ханлыгы чоры язма мәдәнияте // *Мирас.* – 1993. – № 10. – 17–34 б.; *Аныкы ук.* Казан ханлыгы чоры язма мәдәнияте // *Кол Шәриф һәм анын заманы. Кул Шариф и его время.* – Казан, 2005. – 94–113 б.

¹⁰ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1.

¹¹ ПСРЛ. – М., 2002. – Т. IX–XIV.

¹² ПСРЛ. – СПб., 1913. – Т. 18.

¹³ ПСРЛ. – Т. IV; Т. V. – Вып. 1; Т. VI. – Вып. 1; Т. 42.

¹⁴ См.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976. – С. 67–121.

¹⁵ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. – М.–Л., 1938. – С. 366; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... – С. 108–117; *Бобров А.Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // *Труды отдела древнерусской литературы.* – 1993. – Т. 46. – С. 10.

¹⁶ ПСРЛ. – Т. VI. – Вып. 1.

¹⁷ ПСРЛ. – М., 1925. – Т. 1. – Вып. 3.

¹⁸ *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // *Материалы по истории СССР.* Вып. 2. – М., 1955.

¹⁹ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи...; *Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. – М., 1991.

²⁰ ПСРЛ. – М.–Л., 1962. – Т. 27.

²¹ ПСРЛ. – М.–Л., 1959. – Т. 26.

²² ПСРЛ. – М., 1963. – Т. 28.

²³ ПСРЛ. – М.–Л., 1949. – Т. XXV.

²⁴ ПСРЛ. – М., 2004. – Т. XXIII.

²⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XXIV.

²⁶ ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VI. – Вып. 2.

²⁷ ПСРЛ. – М., 2005. – Т. XX.

²⁸ *Лурье Я.С.* Независимый летописный свод конца XV в. – источник Софийской и Львовской летописей // *ТОДРЛ.* – Л., 1973. – Т. 27. – С. 164–165; *Его же.* Общерусские летописи... – С. 210–213; *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // *Древнерусское искусство. XIV–XV вв.* – М., 1984. – С. 305–313.

²⁹ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С. 199–205.

³⁰ См., например: *Сербина К.Н.* Устюжское летописание XVI–XVII вв. – Л., 1985; *Вычегодско-Вымская летопись* // *Историко-филологический сборник.* – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 257–271.

³¹ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. III.

³² *Иоасафовская летопись.* – М., 1957.

³³ ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VII–VIII.

³⁴ *Левина С.А.* Летопись Воскресенская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* – Л., 1989. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Ч. 2. – С. 40–42.

³⁵ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. IX–XIV.

³⁶ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980.

³⁷ ПСРЛ. – М., 2005. – Т. 22.

³⁸ *Книга степенная царского родословия.* – СПб., 1908–1913.

³⁹ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 29.

⁴⁰ *Амосов А.А.* К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР.* – Л., 1978. – С. 6–36; *Его же.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. – М., 1998.

⁴¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С.206–265; см. также: Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. – М., 2005. – С.87–132.

⁴² ПСРЛ. – СПб., 1903 (2-е изд. – М., 2000). – Т. XIX; Казанская история. – М.–Л., 1954; Сказание о царстве Казанском. – М., 1959; Historievom Zartum Kazan (Kazaner Chronist). Beginn derrussischen Ostexpansion. – Страх–Wien–Koln, 1969; Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1985; и др.

⁴³ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. – СПб., 1905; Мусеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы. – М.–Л., 1953. – Т. IX; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. – М.–Л., 1958; Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1988. – Вып.2 (2-я пол. 14–16 в.). – Ч.1; Дубровина Л.А. «История о Казанском царстве» (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. – Киев, 1989; Добродомов И.Г., Кучкин В.А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1989; Keenan E. Commingto Gripswitha Kazanskaya Istoriya: Some Observationon Old Answersand New Questions // Annalsofthe Ukrainian Academy States. 1964–1968. – Vol.XI. – № 1/2. – P.143–183; Pelenski J. Russian and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560 s.). – Hague–Paris, 1974; Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы // Мирас. –1992. – № 10.

⁴⁴ Казанская история. – М.–Л., 1954.

⁴⁵ ПСРЛ. –СПб., 1903 (2-е изд. М., 2000). – Т. XIX.

⁴⁶ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1985.

⁴⁷ См., например: Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева, Д.С.Лихачева. – М., 1986.

⁴⁸ Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. – Казань, 1877; Борисов В. Писцовая книга города Лаишева 7076 [49 Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Под науч. ред. И.П.Ермолаева, М.А.Усманова. – Казань, 1979; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. – Казань, 1990.

⁵⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. – М., 2001; Перечневая книга Свяжского уезда. По материалам писцового описания 1646–1652 годов / Изд. подг. Д.А.Мустафиной. – Казань, 2004.

⁵¹ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О.Шмидта. – М., 1960.

⁵² См., например: Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общ-ва истории и древностей. – 1863. –Т.5; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и Турцией / Под ред. Г.Ф.Карпова, Г.Ф.Штендумана. Т.1 (1474–1509 гг.); Т.2 (1508–1521 гг.) // Сборник Русского исторического общ-ва (РИО). – Т.41. – СПб., 1884; Т.95. – СПб., 1895; и др.

⁵³ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV– начала XVII вв. –М., 1994.

⁵⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подг. текста М.П.Лукичева, Н.М.Рогожина. –М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Подг. текста Н.М.Рогожина. – Махачкала, 1995.

⁵⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. к печати, введ. и коммент. В.В.Трепавлова. – М., 2003.

⁵⁶ См., например: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И.Малеина, А.В. Назаренко. – М., 1988.

⁵⁷ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984.

⁵⁸ Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971.

⁵⁹ *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях. –М.–Л., 1936. Книга впервые была издана в 1517 г. на латинском языке.

⁶⁰ *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI в. –М., 1913.

⁶¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. –Л., 1937.

⁶² *Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. –Л., 1925; Царь-палач (Грозные времена Грозного). –Казань, 1998 (публикация «записок» Альберта Шлихтинга и Генриха Штадена); *Генрих Штаден*. Записки немца-опричника. –М., 2002.

⁶³ *Гваньини Александр*. Описание Московии. –М., 1997. Книга впервые была издана в 1578 г. на латинском языке.

⁶⁴ Английские путешественники в Московском государстве ...

⁶⁵ *Джером Горсей*. Записки о России. XVI – начало XVII в. –М., 1990.

⁶⁶ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. –М., 1983.

⁶⁷ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. –СПб., 1891; *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов). –М., 1991.

⁶⁸ См., например: *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. –М., 1937; Путешествие по России голландца Стрюйса // Русский архив. –1880. –Кн.1. –С.67–69; *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию (Голштинское посольство к русскому царю и шаху Персии). –М., 1996.

⁶⁹ См., например: «Календарь» К.Насыри за 1873 г.; *Рахим А.* Татарские эпитафические памятники XVI века // Труды Общества изучения Татарстана. –Казань, 1930; *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. –М.–Л., 1960; *Мухаметшин Д.Г.*, *Хакимзянов Ф.С.* Эпитафические памятники города Булгара. –Казань, 1987; *Мухаметшин Д.Г.* Эпитафические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. –Казань, 1993. –С.118–133; *Мухаметшин Д.Г.* Эпитафические памятники татар Поволжья и Приуралья. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. –Казань: Ин-т истории АН РТ, 1996.

⁷⁰ См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. –М., 1955. –Т.1. –С.17–19.

⁷¹ Подборку наиболее важных см.: Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. –Казан, 1987; Татар халык ижаты: Тарихи һәм лирик жырлар. –Казан, 1988.

⁷² Краткую характеристику названных и иных произведений татарского фольклора периода Казанского ханства см.: *Урманчиев Ф.И.* Трагедия народа, рассказанная им самим (татарский фольклор периода Казанского ханства) // Научный Татарстан. –2002. –№3/4. –С.125–133; *Садеков М.Р.* ...Звучат лишь письма (Татарский фольклор периода Казанского ханства в русских исторических источниках). –Казань, 2006.

⁷³ См., например: Иске Казан каласының корылуы // Татар халык риваятьләре һәм легендалары / Тоз. С.Гыйләжетдинов. –Казан, 2000. –44–46 б.; Татарская легенда «Основание старой Казани» // *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... –Приложение №2 на с.244–246.

⁷⁴ См., например: Шәһәр нигә Казан дип аталган // Татар халык риваятьләре... –46 б.

⁷⁵ См., например: Яна Казан каласының корылуы // Татар халык риваятьләре... –50–52 б.; Буяна Казаннын гыймарәт кыйлынганы // Шунда ук. –52–54 б.

⁷⁶ См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства... –С.16 и сноски №21–23 на с.99.

⁷⁷ Наиболее важные см.: *Paksoy H.B.* A Tatar Admonitionto Future Generations // Studiesin Comparative Communism. –1986. –Vol. 19. –№ 3-4. –P. 252-265; *Исхаков Д.М.* Чорабатыр: кто он? // Татарстан. –1997. –№ 12. –С.55–58; *Iskhakov D.* «Chora Batyr»: Problems of Personality and it's Place in the Hierarchy of Turkic-Tatar Societies // Oriental Studies in the 20th Century: Achivments and prospects. Abstract of the papers of CIS scholars for 35th ICANAS (Budapest, Jul. 7–12, 1997). –Vol. 1. –Moskow, 1997. –P.147-148; *Ибраһимова Л.* Чура – халык батыры // Гасырлар авазы / Эхо веков. –2000. –№3/4. –

167–171 б.; *Урманче Ф.* Чура батыр // *Мирас*. – 1995. – № 7/8. – 145–152 бб.; № 9. – 98–109 бб.; № 10. – 92–96 бб.; № 11/12. – 130–136 бб.

⁷⁸ См., например: *Казан ханлыгы // Татар халык риваятьләре...* – 54–57 б.; см. также иные легенды в том же сборнике: «Казан тарихы» («История Казани», с.57), «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный начал войну против Казани», с.57–58), «Зөя каласы» («Свияжск», с.58–59) и др.

⁷⁹ См.: *Измайлов И.Л.* «...Казань-город на костях стоит» // *Родина*. –1998. –№ 2. – С.35–38.

⁸⁰ *Зимин А.А.* Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // *Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова*. – М., 1966. – С.231–238.

⁸¹ См., например: *Димитриев В.Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // *История, археология и этнография Чувашской АССР: Труды ЧНИИЯЛИЭ*. – Чебоксары, 1975. – Вып.60. – С.80–135; *Его же.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX в. – Чебоксары, 1993; *Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания*. – Йошкар-Ола, 1991.

⁸² *Садеков М.Р.* ...Звучат лишь письмамена...

⁸³ Об активной роли московских книжников XVI–XVII вв., формирующих мифологию нового царства и использовавших для составления «Казанской истории» различные внелетописные материалы церковного и историко-публицистического характера, см.: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995. – С.171–202.

⁸⁴ См., например: *Усманов М.А.* Татарские исторические источники... – Глава 5: Татарские шаджара.

⁸⁵ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в историко-коведческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). – Казань, 1991.

⁸⁶ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре. – Казан, 1995. – 1 китап.

Аннотация

Статья посвящена важному и малоисследованному вопросу изучения нарративных источников по истории Казанского ханства. В статье анализируются как собственно татарские, так и иностранные (русские и западноевропейские) источники. Особое внимание уделено рассмотрению эпиграфических и фольклорных источников. Авторы делают вывод о том, что изучение истории Казанского ханства требует комплексного рассмотрения нарративных источников.

Ключевые слова: исторические источники, Казанское ханство, татары, Среднее Поволжье.

Summary

The article is devoted to the study of important and little explored narrative sources on the history of the Kazan Khanate. In the article both Tartar and foreign (Russian and Western) sources are analyzed. Special attention is paid to the epigraphic and folklore sources. The authors conclude that the study of the history of the Kazan Khanate requires a comprehensive review of narrative sources.

Keywords: historical sources, the Kazan Khanate, Tatars, the Middle Volga